

На вопросы редакции отвечает
заведующий кафедрой гражданского
права юридического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
доктор юридических наук, профессор
Евгений Алексеевич СУХАНОВ

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС У НАС НЕ РЕШЕН ДО СИХ ПОР

В 1971 году окончил юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова.

С 1992 по 2003 год — декан юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и заведующий кафедрой гражданского права. С 2003 года по наст. вр. — заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

В 1989–1992 годы участвовал в разработке Закона о собственности в СССР, Закона о собственности в РСФСР, Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик. В 1992–2006 годы был членом основной рабочей группы по разработке первой, второй, третьей и четвертой частей Гражданского кодекса РФ и одним из официальных представителей Президента РФ при рассмотрении в Федеральном Собрании проектов первой, второй и третьей частей ГК РФ. В 2007 году за активное участие в разработке Гражданского кодекса РФ Е.А. Суханову присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Российской Федерации.

В наст. вр. — заместитель председателя Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. С 2020 года — научный руководитель Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ. Главный редактор журнала «Вестник гражданского права».

— Как Вы оцениваете самую первую редакцию первой части ГК, которой исполнилось 30 лет в 2024 году?

— В 2024 году вообще были сплошные юбилеи, некоторые радостные, некоторые не очень, — исполнилось 30 лет Модельному ГК для стран СНГ, 15 — Концепции развития гражданского законодательства РФ, 10 — российскому корпоративному праву, 5 — проекту новой редакции Раздела II ГК. Да, и первой части Гражданского кодекса РФ исполнилось 30 лет. Я ее оцениваю высоко. Она хороша была тем, что в ней не было явных глупостей. Практически во всех тогдашних законах, начиная с перестроенных времен, да и сейчас тоже, обязательно есть ляпы, а первая часть ГК была, наверное, в то время единственным законом без откровенных ошибок. Позднее в нее много чего добавили. И мне иногда приходится перед студентами извиняться за те глупости и ошибки, которые появились в Кодексе в результате некоторых реформ.

Высокую оценку первой редакции ГК давал и А.Л. Маковский, а он был секретарем рабочей группы по созданию Гражданского кодекса 1964 года, куда его пригласила Е.А. Флейшиц. Все четыре части нынешнего Кодекса — в основном его заслуга, он был душой и руководителем всего процесса разработки.

Я с ним был в очень хороших отношениях. Мы познакомились в процессе законопроектной работы в 1989 году. Могу сказать, что Александр Львович был моим учителем, высочайшим профессионалом и настоящим интеллигентом.

Надо вспомнить, что первой части ГК предшествовала длительная законодательная работа, ведь группа по реформированию гражданского права сложилась раньше. Маковский всегда говорил, что у нас первый «рыночный» закон — это Основы гражданского законодательства 1991 года¹. По его словам, работа над Основами напоминала работу реставраторов полотен старых мастеров. Как человек, близкий к искусству, происходящий из знаменитой семьи художников, он очень любил такие сравнения. Мы снимали с цивилистических конструкций наслаждение командно-административной экономики. Восстанавливали то, что нужно было, с учетом современных условий. Отсюда и обращение к международной коммерческой практике. В группе разработчиков несколько человек, включая того же Маковского, многие десятилетия были арбитрами МКАС при ТПП. МКАС, кстати, 90 лет скоро будет. Мы консультировались с иностранными специалистами, но не для того, чтобы, как многие думают, нам написали немецкий или голландский кодекс. Мы консультировались с настоящими профессионалами, которых было немного, да и график у них был, как у хорошего пианиста, на год вперед расписан. Из американцев мы обращались за консультациями к Р. Саммерсу и Д. Уайту, которые написали один из лучших комментариев к Единообразному торговому кодексу США. Даже не знаю, живы они сейчас или нет. Саммерс приезжал в Россию, выступал в Высшем Арбитражном Суде. Он тогда сказал, что у нас есть решения, которые он бы с удовольствием реализовал и в правопорядке США. А голландский опыт был нам интересен тем, что их Кодекс принимался частями с 1952 года, но большая часть была принята в 1992 году,

т.е. незадолго до начала нашей работы. Нам помогал В. Снайдерс — один из самых влиятельных ученых в области гражданского права Нидерландов. В то время он был заместителем председателя Верховного суда Нидерландов, а также королевским комиссаром по новому Гражданскому кодексу Нидерландов. Это удивительный человек, замечательных познаний. Он нам никогда не говорил, что надо делать так или так либо делайте, как в Америке. Он только рассказывал, как тот или иной вопрос решается в Нидерландах и Евросоюзе, а, как может быть у нас, мы должны решать сами. Нам такой подход очень нравился: мы понимали, что экономические условия разные, мы же не Нидерланды. Поэтому, как говорил Александр Львович, мы, с одной стороны, снимали наслаждения позднейших картин, а с другой — их подновляли и осовременивали.

Есть ошибочное представление, будто мы сели и за два дня написали ГК. Нет, конечно. Сперва мы готовили законы о собственности, союзный и российский, затем Основы гражданского законодательства и только потом приступили к первой части ГК. И одним из центральных был тогда, да и остался сейчас земельный вопрос, вопрос вещного права. Ведь вначале Совет Федерации отклонил текст первой части ГК. Мы с ним через Государственную Думу-то с боем пробивались. П.В. Крашенинников вспоминает, как ходили по фракциям, а нас ругали, словами всячими обзываю, обвиняли в продаже Родины. С большим трудом собрали большинство в нижней палате, а тут раз — и в Совете Федерации проект отклонили из-за главы 17 о земле. Там посчитали, что земельный вопрос — это вопрос не гражданского, а земельного права (которое тогда не признавало частной собственности на землю). Но Совет Федерации пропустил установленный срок для отклонения проекта на три дня, и через С.С. Алексеева, бывшего в те годы членом Президентского совета, закон пошел к Б.Н. Ельцину, который и подписал первую часть ГК и вводный закон, а вступление в силу главы 17 было отложено до момента принятия нового Земельного кодекса. А новый ЗК, как известно, был принят в 2001 году. Но земельный вопрос у нас не решен до сих пор. По ЗК существует только три титула на землю: собственность, аренда и сервитуты. А в ГК остались перешедшие еще из законов о собственности, когда и речи о частной собственности на землю не велось, права пожизненного наследуемого владения (для граждан) и бессрочного пользования (для юридических лиц).

¹ Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31.05.1991 № 2211-1).

Мы в свое время придумали эти права, чтобы дать землепользователю уверенность в том, что государство у него землю не отнимет. Мы их сконструировали на основе институтов римского права: эмфитеуса и суперфicies. Земельный кодекс писали совсем другие люди, с ГК он никак не стыковался. Я теперь студентов спрашиваю: чем советское гражданское право отличается от нынешнего российского частного права? Вроде бы и ничем. Купля-продажа — она и есть купля-продажа, виндикация, деликты, право наследования. Все это было и в советское время.

— Отсутствием вещного права и недвижимости отличается.

— Вот! Вещных прав, прежде всего на землю, не было. В итоге фактически «земельщики» создали ситуацию, когда на землю можно оформить право или собственности, или аренды. Срок аренды закончился — всё, пошел вон. И лет десять назад в Москве это превратилось в «ночь длинных ковшей», если помните.

Ко мне тогда обращались за помощью некоторые арендаторы, а я был бессилен им помочь. Право аренды закончилось, собственник просит землю вернуть, даже грузовики подогнал, чтобы освободить его участок. А ведь еще римляне (Гай) придумали принцип *superficies solo cedit*. Строение на земле — это, по-хорошему, вообще не вещь, а составная часть вещи — земли. Нет такой вещи — строение, а есть земельный участок как индивидуально-определенная вещь. Немцы на этом стоят, а мы, к сожалению, по такому пути не пошли, стали недвижимыми вещами объявлять все подряд: помещения, машино-места. Если я — собственник квартиры в многоэтажном доме, то я собственник чего — геометрического пространства, кубометров воздуха? А дальше начинаются обращения граждан-собственников: почему я должен платить за лифт, если живу на первом этаже, за ремонт крыши, если до меня не дотечет, и т.п. Появляются законо-проекты о том, что надо освободить от оплаты лифта жителей первых этажей. Это все последствия того, что в советское время римское право убрали из учебных программ якобы за ненадобностью. А не может быть права собственности на часть вещи. Квартира — это часть вещи. На землю с домом может быть сколько угодно собственников. Люди, которые не учили римское право, думают, что в таком случае вещь делится на кусочки: вот мой кусочек, вот твой. А делится-то

право, а вовсе не вещь, чему учили еще Цельс-сын. В Австрии, для сравнения, римское понимание общей собственности учили, и, например, в Вене собственник 1/57 доли в праве собственности на участок с домом получает квитанцию на оплату 1/57 расходов на его содержание, и ему в голову не придет спрашивать про крышу или лифт.

— Можно ли было сделать по-другому в конкретных условиях начала 90-х годов? А если было нельзя, то можно ли что-то изменить в регулировании долевой собственности сейчас?

— Мы все равно пришли к долевой собственности, но в извращенном варианте — через создание ТСЖ, которое должно эксплуатировать и обслуживать общее имущество дома (трубы, лестницы и т.д.), объявленное объектом общей собственности. Но это же не самостоятельные вещи, а составные части другой вещи — дома. В ст. 290 ГК и в Жилищном кодексе написали, что это — общее имущество дома, на него распространяются нормы о праве общей собственности, но только из всего, что написано про общую собственность в ГК, к этой общей собственности ничего не применимо — ни распоряжение, ни преимущественное право покупки. Это не общая собственность в ее традиционном понимании, а в лучшем случае особый правовой режим. Классику не обманешь. Римское право возникло две тысячи лет назад, в советское время его не учили — смотрите на результат. Правовые нелепости всё множатся и множатся.

— Что же надо сделать, чтобы сейчас по уму было? Есть какой-то план?

— Тут много чего надо. План есть. Хотя бы ввести в действие проект новой редакции раздела II ГК о вещном праве, который пока заморозили. Он основан на Концепции развития гражданского законодательства 2009 года, хотя еще в 2003 году Советом по кодификации была принята Концепция развития законодательства о недвижимости.

Надо понять, что такое недвижимость. Еще известный германский юрист французского происхождения, профессор Гейдельбергского университета А.Ф.Ю. Тибо показал необходимость вещных прав именно на земельный участок как на единственный вид недвижимости. Земли на всех не хватает, планета

на 70% покрыта водой, исключаем горы и пустыни, ледники и прочее. В Амстердаме люди живут на баржах, но это не недвижимость. Если земли на всех не хватает, требуется, говоря словами академика А.В. Бенедиктова, экономически необходимое и юридически прочное участие одного лица в праве собственности на недвижимость (землю) другого. Применительно ко всем остальным, движимым, вещам этой проблемы нет. Аренда не годится, это срочное право. Необходимы ограниченные вещные права, которые обременяют недвижимость и независимы от смены ее собственника. Концепцию 2009 года, можно сказать, примерно на половину реализовали. На ее основе был разработан законопроект о новой редакции ГК. Его разбили сначала на пять частей, потом на десять и стали принимать по частям. Но принятие части по вещным правам все откладывалось и откладывалось. Последний вариант закона мы подготовили в 2019 году, но не случилось, как говорится. Зато в декабре 2021 года приняли Закон № 430-ФЗ², которым в ГК внесена принципиально новая норма ст. 287.1 о возникновении права собственности на строение у лица, которому участок был предоставлен для застройки.

— Это не является некоторым образом частичной приватизацией?

— Нет, это будет прежде всего пользование чужой вещью. Поскольку земля — ограниченный ресурс, то в его использовании всегда будут присутствовать публичный интерес и ограничения. Если вам дали землю, например, для садовых и огороднических нужд, а вы на ней гостиницу выстроили — у вас ее заберут и правильно сделают. Земля — дефицит. Земельный участок — особый объект права. Нигде в мире нет абсолютной свободы пользования земельным участком. Статья 287.1 почему появилась? Потому что у нас 90% земли до сих пор в государственной собственности. Если ты строишь объект на публичной земле, то принцип *superficies solo cedit* не работает, застройщик становится собственником, это хорошо. Но дальше возникает вопрос: какой же у него все-таки титул на землю? Теперь нам даны три варианта, и даже возникает стыковка с ЗК. Можно купить землю — но только земля нынче дорогая, на выкуп у застройщика средств

может уже не хватить. Можно арендовать — но аренда срочная, надо идти к чиновнику за продлением, это коррупциогенная норма. Мы об этом с В.В. Витрянским уже давно говорили и предлагали ввести право застройки на 99 лет. Это право даже в ГК 1922 года еще было. Когда его принимали в период НЭПа, нарком юстиции Д.И. Курский говорил, что мы даем право собственности на строения, но земля исключена из области тех уступок, которые пролетариат дает буржуазии. Так мы и живем по заветам Курского до сих пор.

— Во многом так и есть.

— Есть и третий вариант — ст. 271 ГК, которая наделяет собственника недвижимости правом пользования землей. Но в ней есть одно но. Что это за право пользования такое? Оно на какой срок? Оно возмездное или безвозмездное? Ничего в норме об этом нет. Это была резервная норма, когда принимали ГК в 1993–1994 годах. Мы думали: потом приведем ее в порядок. Но и она лучше, чем ничего.

— И право пользования продолжается до тех пор, пока здание не рухнёт?

— Об этом в норме ничего не сказано.

— Вы же этим вопросом задавались наверняка, когда ее обсуждали?

— Мы были романтиками, думали, что эта норма — лет на 10 максимум, на переходный период, а потом мы наведем порядок и в регистрации прав, и в правах на землю, титулы все введем — и заживем. Но уж тридцать лет прошло...

— А на практике как эта норма работает?

— По крайней мере я рекомендую ссылаться на нее в суде. Есть шанс, что суд учтет.

— Интересно получается.

— У нас есть еще одна проблема. Наши экономисты уже тридцать лет учатся по американским учебникам. По ним выучились три поколения экономистов. Экономика и право тесно связаны. Поэтому очень многое в том же корпоративном праве переписывается с американских законов. А в сфере земли этого нельзя

² Федеральный закон от 21.12.2021 № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации».

делать. Как известно, в общем праве (*Common Law*) нет частной собственности на землю, ибо со времен Вильгельма Завоевателя в Англии (а затем и в США) действует принцип *all land belongs only to the Crown* («вся земля принадлежит только короне»), а у частных лиц на землю есть только различные ограниченные по содержанию юридические титулы (*estates*). Поэтому скопировать что-то в наше современное право (как это постоянно делается в корпоративном праве) невозможно.

— Сейчас принимается множество законов. Находите ли Вы разницу в стиле юридического языка тогда и сейчас?

— Когда мы писали первую часть, мы думали о том, что ее будут читать люди. В состав нашей рабочей группы входил замечательный человек Г.Д. Голубов, который 30 лет был начальником управления хозяйственного законодательства еще союзного Минюста. Он нас учил принципам законотворчества. Первый — слово ненаписанное ошибки не содержит, так что вычеркивайте все, в чем сомневаетесь. Второй — врать надо всегда одинаково — иначе говоря, надо быть последовательным в собственных заблуждениях, т.е. употребив какую-то конструкцию, тянуть ее через весь закон. Он и А.Л. Маковский были мастерами законодательных формулировок. На мой взгляд, в целом в первой редакции были нормальные формулировки статей, а не такие, которые нередко видишь теперь, — чуть ли не по пять страниц на каждую. Потом многое поправили, и, к сожалению, не всегда лучшим образом. В принципе, мы старались, чтобы это было читаемо.

Помню, мы спорили с С.А. Хохловым о том, как формулировать перечень вещных прав в ст. 216 ГК. Слава хотел включить в него аренду, а я был категорически против. На тот момент еще действовали Основы законодательства об аренде³, где предусматривалась возможность аренды с выкупом для государственных предприятий вместо приватизации, которая многих в то время пугала. В итоге спор разрешился добавлением слов «в частности» перед этим перечнем, но без упоминания в нем аренды.

³ Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде (утв. ВС СССР 23.11.1989 № 810-1).

— Следовало дать исчерпывающий перечень?

— Да, конечно. Но, понимаете, потом в наследственном праве появилось право пожизненного пользования жильем по завещательному отказу, в Жилищном кодексе возникли отдельные вещные права, которых нет в ст. 216 ГК. По-хорошему, надо бы в перечень эти права добавить, а выражение «в частности» вычеркнуть. Право застройки бы ввести. А вместо этого ввели несколько новых статей и мракобесие с машино-местами, помещениями и т.п. в качестве объектов недвижимости. И поскольку собственник в принципе что угодно может делать в своем помещении, в подвалах разводят рыбу, а на чердаках — рестораны с караоке до утра. Соседям как с этим быть?

— Соседское право не решает эту проблему?

— У нас нет соседского права. И.А. Емелькина, моя ученица, что-то пытается в этом направлении делать. Но сейчас развитие этого института находится там же, где и право застройки. И пока мы вещным правом регулируем права на кубатуру воздуха, эту проблему не решить. Еще выдающийся русский юрист и государственный деятель К.П. Победоносцев в своем замечательном учебнике гражданского права прекрасно разъяснял разницу между вещными и обязательственными правами: вещное право — это право на вещь, а обязательственное — право требования к обязанному лицу. А уж выполнит ли это лицо свои обязанности или нет, неизвестно. Для защиты обязательственного права есть способы обеспечения его надлежащего исполнения, но это все равно дает власть над поведением лица (например, застройщика), а не над вещью (которой пока нет, например при долевом строительстве). И люди платят застройщику за воздух, а не за вещь (квартиру, которой нет).

— А власть куда смотрит? Совет при Президенте?⁴

— В Совет этот я вхожу с 1999 года, только он административного значения не имеет, это сугубо консультативный, совещательный орган. Минэкономразвития раньше нам присыпало законопроекты, мы давали отрицательные заключения, а в итоге законопроект без учета нашего мнения вносился на рассмотрение

⁴ Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства.

Госдумы. У нас нет реальных полномочий влиять на этот процесс.

— **Какие изменения в Кодекс, внесенные за тридцать лет, наиболее важны, на Ваш взгляд?**

— Давайте мы их разделим на негативные и позитивные. Из позитивных могу отметить ст. 287.1, которую мы уже обсудили. Я считаю, что через эту норму выражается особенность землепользования в России, где до сих пор большая часть земли государственная, и вряд ли эта ситуация существенно изменится, так как немалую территорию занимает вечная мерзлота и другие земли, неинтересные частному собственнику.

Из негативных моментов я бы отметил проблематику корпоративного права. Например, в нашем гражданском законодательстве закреплен минимальный уставный капитал для обществ с ограниченной ответственностью в размере 10 000 рублей. И сейчас юридическое лицо нередко выглядит у нас как офшор на Виргинских островах. Наши экономисты настаивают на отмене минимального капитала для хозяйственных обществ, ссылаясь на американский опыт, и недоумевают: зачем нужен уставный капитал? Но в США норма об уставном капитале есть в пяти штатах, и в некоторых он довольно большой, например в Техасе — 5000 долларов. При этом там обязательно применяется *solvency test* — проверка на состоятельность, фальсификация которой влечет очень серьезные штрафы и даже уголовную ответственность до 130 лет тюрьмы. Поэтому, когда нам предлагают ориентироваться на американское корпоративное право, я в принципе за — только давайте тогда его заимствовать в полном объеме, а не кусками. Великобритания в свою бытность в составе Евросоюза пыталась внедрить норму об упразднении уставного капитала для маленьких компаний — аналога обществ с ограниченной ответственностью. Евросоюз несколько лет обсуждал эту инициативу, но отказался от нее, так как это потребовало бы изменить большой массив законодательства, причем не только корпоративного, но и административного, уголовного, о бухучете и т.п., к чему он был не готов.

Нужно честно сказать, что нигде нет таких юридических лиц — пустышек, которые за несколько минут создаются в одном окне.

— Вам не кажется, что принцип ограниченной ответственности юридического лица стал как-то размываться у нас в последние годы? Все чаще привлекают к ответственности бенефициаров и менеджеров.

— Во-первых, сам принцип прокалывания корпоративной вуали пришел из американской судебной практики, его даже англичане применяют очень редко. В США действительно относительно легко создать небольшую корпорацию, но то, что легко разрешается властью, так же легко ею и отнимается. Во-вторых, надо иметь в виду, что и у американцев, и у англичан корпорация — не собственник имущества, а лишь управляющий, трасти. Точнее, она собственник по общему праву, а бенефициары — тоже собственники, но по праву справедливости. У нас этого разрыва нет, но наши экономисты искренне верят, что так везде, потому что учились они по тамошним учебникам. И они это тянут сюда из американского права, не понимая, что за этим стоит траст. И крупные сделки, и сделки с заинтересованностью, и фидуциарные обязанности, и снятие корпоративных покровов — все это из американского права, основанного на трасте. А у нас траста нет, как и в Европе.

— **Какой еще недостаток Вы бы выделили в корпоративном праве?**

— Я бы обратил внимание на ответственность директоров. Теперь их раздевают, как хотят, на основании ст. 53.1 ГК. Я считаю, что это неправильная судебная практика, но мы пожинаем те плоды, которые сами посеяли в ходе реформы корпоративного права, ориентируясь на американское право. Только там ответственность директора, члена совета директоров страхуется за счет компании (т.е. за счет ее участников). А у нас этого нет. Я лекции по корпоративному праву начинаю с высказывания одного замечательного немца, барона К. Фюрстенберга, жившего еще в XIX веке: «Акционеры глупы и наглы. Глупы потому, что принесли свои деньги, и наглы, потому что хотят за них что-то получить». Между общим собранием этих глупых и наглых и управляющими директорами в Германии есть промежуточный орган — наблюдательный совет, а у нас его отождествили с советом директоров. А ведь немцы наблюдательный совет сделали именно для того, чтобы в него входили крупные акционеры, которые не только на общем

собрании появляются раз в год, но постоянно контролируют деятельность совета директоров. После войны в Германии ввели правило, согласно которому до половины членов наблюдательных советов компаний составляют представители наемных работников и профсоюзов. Мы же всё не можем выбрать, по какому пути идем — американскому или европейскому. Я сторонник европейского подхода, так как он у нас исторически прижился, хоть и с российской спецификой. Например, у нас есть кооперативы, которых нет ни в Англии, ни в Америке, и Минэкономразвития их упорно не замечает. Их включили в перечень коммерческих корпораций, но устройство-то у них совершенно отличное от хозяйственных обществ.

— В последние годы в практике весьма заметно расширяется применение принципа добросовестности. Это позитивный факт?

— Это беда не меньшая, чем размывание принципа ответственности юридических лиц. Внедрение принципа добросовестности вызвало очень много шума и радости, и на каком-то этапе я даже согласился с тем, что это действительно хорошо, хотя ни в одном классическом гражданском кодексе принцип добросовестности прямо не закреплен. Есть добросовестность при исполнении обязательств, в каких-то отдельных ситуациях, а общей нормы нет нигде, только у нас. И вот я теперь думаю: не погорячились ли мы в этом вопросе? Я видел выступления судей, которые на конференциях говорили: как хорошо, что теперь есть добросовестность и есть запрет злоупотребления правом. Теперь судья может просто признать сторону недобросовестной и удовлетворить иск другой стороны. На самом же деле всё очень непросто. Есть принципы гражданского права, они указаны в п. 1 ст. 1 ГК. Принцип добросовестности не случайно закреплен отдельно, в третьем пункте этой статьи. Это принцип осуществления права. Вообще, п. 1 ст. 1 ГК обращен прежде всего к законодателю и правоприменителю, чтобы привлечь их внимание к тому, что гражданское право основывается на равенстве, запрете произвольного вмешательства в частные дела и т.п. А для участников оборота предназначен п. 3, смысл которого в том, что, грубо говоря, они не должны толкаться локтями и наступать друг другу на ноги, должны действовать добросовестно. Это первое. А второе — в гражданском праве есть два разных понятия добросовестности, объективная и субъективная. Когда

мы соизмеряем поведение лица с какими-то общими нравственными, моральными представлениями, мы говорим об объективной добросовестности. А когда оцениваем действия в рамках конкретных отношений, например при виндикиации, то рассматриваем субъективную добросовестность, т.е. изучаем, мог или не мог в конкретных обстоятельствах участник сделки знать о фактах, которые, скажем, препятствовали переходу права собственности, о том, что у продавца отсутствовало право собственности. Про это нельзя забывать. Субъективная добросовестность, как говорил И.Б. Но-вицкий, «восполняет отсутствующую легитимацию», т.е. может стать правопорождающей (в отличие от объективной добросовестности).

— Нельзя было это в самом Кодексе разъяснить и разграничить?

— Понимаете, все это перешло из Концепции развития гражданского законодательства 2009 года, которая сама была составлена из нескольких концепций: концепции развития общих положений, концепции юридических лиц, концепции вещного права, концепции развития законодательства об обязательствах. Их разрабатывали разные группы. Я занимался юридическими лицами. И потом, у нас была сводная рабочая группа. Возможно, мы что-то не углядели. Помню, велись серьезные споры и по первой, и по десятой статье ГК, но я не во всех заседаниях участвовал.

С какими-то решениями я до сих пор не согласен. Вот смотрите, злоупотреблением правом теперь являются еще и действия в обход закона. Действия в обход закона — это сделка. Еще с дореволюционных времен и в Кодексе 1922 года последствием сделки в обход закона признавалась ее недействительность. А в действующем ГК это зачем-то включили в осуществление прав. Сделка не может быть осуществлением прав. Сделка — это юридический факт, который что-то меняет или прекращает. Мы спорили, оставлять обход закона в ст. 10 или нет. В конце концов оставили. Традиционной формой злоупотребления правом является шикана — действия исключительно с намерением причинить вред другому лицу. А в первый вариант текста этой статьи еще был включен запрет на злоупотребление монопольным положением — но потом появилось специальное законодательство, и вопрос отпал. Мы, когда писали первую редакцию, очень узко понимали запрет злоупотребления правом. Сейчас же он суще-

ственno расширен, и я в практике чуть ли не в каждом втором деле встречаю ссылки на злоупотребление правом со стороны контрагента. В 99 случаях из 100 тот, кто ссылается на такое злоупотребление, не имеет юридической позиции. Ссылки на злоупотребление правом должны быть в редчайших случаях, исключением из исключений.

— Требуются ли какие-то изменения в защите права собственности?

— Дело в том, что главу о защите права собственности мы воспроизвели по ГК 1964 года. Ничего нового в ней практически нет. Соответственно, есть два иска для защиты вещных прав, виндикационный и негаторный. Но как можно виндицировать недвижимость? Виндикационный иск ведь рассчитан на движимые вещи. Автомобиль изъять можно. А как вы изымете земельный участок или дом? Никак. Виндикационный иск не может быть применим к недвижимости, которая, на мой взгляд, представляет собой особый правовой режим. Значит, речь должна идти не о виндикации, а об исправлении записи в реестре. В римском праве было два иска для защиты вещного права. Виндикация — это петиторный иск, а посессорным иском защищался факт владения. При петиторном иске требуется доказать титул. Соответственно, встает вопрос: как доказать право на недвижимость при виндикации, если в реестре как собственник записано другое лицо? Откуда у истца право на виндикацию? Титула-то нет. В таком случае можно спорить лишь о неправильности записи в реестре, а у нас такого иска нет, он не предусмотрен ни Кодексом, ни Законом о регистрации прав на недвижимость⁵. Суды до сих пор рассуждают в категориях «добропорядочный» или «недобропорядочный» владелец недвижимости. Но добросовестность — для движимых вещей. Надо бы в закон включить иск об оспаривании записи в реестре.

В Законе о регистрации недвижимости вообще иска не предусмотрено, там есть только возможность заявить претензию. Высшие суды в Постановлении № 10/22⁶ придумали в свое время такой инструмент,

как иск о признании права отсутствующим. Откуда он возник? Оказывается, у нас есть случаи, когда один и тот же объект зарегистрирован за двумя разными собственниками. Как быть одному из этих собственников? Оспаривать запись в реестре, заявлять иск о признании права отсутствующим. В судебной практике считается, что это разновидность негаторного иска. Почему? Да очень просто: виндикация подвержена исковой давности, а негаторный иск нет. На самом же деле этот иск никакого отношения к негаторному не имеет. Записан собственником не Иванов, а Сидоров, и Иванову требуется доказать, что запись неверная. Это иск о признании права, а не о признании права отсутствующим или об устраниении записи в реестре.

Очевидно, что надо дополнять ГК, но лучше не корректировать отдельно защиту вещных прав, а принимать весь наш проект новой редакции раздела II ГК 2019 года целиком. Например, в нем решаются вопросы защиты фактического владения, которая у нас отсутствует, хотя во всех зарубежных правопорядках она есть. И.А. Покровский замечательно про это писал: защищая фактическое владение, мы защищаем не то или иное право, а человеческую личность как таковую. При охране владения защита предоставляется любому, в чьем владении находится вещь, вне зависимости от того, каким способом он ее приобрел, а если у кого-то имеется титул на вещь, он может требовать ее возврата. В советское время защита факта владения была не нужна, так как бесхозяйные вещи поступали в доход государства. Но теперь-то у нас другие времена и другая социально-экономическая ситуация.

— В римском праве такой же подход к защите владения?

— Не совсем так, но кое-что похоже. У нас заинкнуться об охране незаконного владения нельзя, мы отчасти защищаем такое владение, но только добросовестное, посредством института приобретательной давности. Правда, нужно судебное подтверждение права на недвижимость. В Концепции 2009 года и в нашем законопроекте раздела II ГК все эти вопросы решаются, предлагается ввести и право застройки, и защиту

⁵ Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости».

⁶ Постановление Пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих

в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».

владения, но проект уже пять лет лежит без движения, а до этого еще десять лет лежал.

— Насколько я понимаю, в аспектах, касающихся недвижимости, проект Гражданского уложения Российской империи не был большой опорой при разработке первой части ГК?

— Еще проект Гражданского уложения пошел по пути признания множественности объектов недвижимости, не так, как у немцев. В нем предлагалось считать недвижимостью и железные дороги, и дома, и лавки. Но надо отметить, что проект Гражданского уложения Российской империи делали судьи, сенаторы. Это был очень серьезный документ, хорошо проработанный. И это лишний раз доказывает, что законы должны писать судьи и ученые, а не депутаты. Некоторые вещи, скажем понятие обязательства (оно было таким же и в Кодексах 1922 и 1964 годов), мы оттуда взяли. Но что касается вещных прав, то сенатская практика колебалась по вопросу о том, является ли дом на чужой земле самостоятельной недвижимой вещью или нет. Только после первой революции, в 1905–1907 годы, Сенат стал склоняться к тому, что дом — недвижимая вещь только тогда, когда у владельца дома есть вещное право на землю под ним.

— Как Вы относитесь к цифровому праву?

— Я считаю, что преподавать нужно не цифровое право, а классику, основы римского права. Я уже много раз это говорил: никакого цифрового права нет, есть довольно противоречивое законодательство о цифровизации. В ст. 128 ГК записали в объекты гражданских прав цифровые права⁷. И тем же законом, которым дополняли ст. 128, ввели ст. 141.1, где цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права. Получается, что цифровые права — это все те же обязательственные права, только в цифровой форме. Совет по кодификации три раза давал отрицательные заключения на эти законопроекты о цифровизации. Но с ними не посчитались, и вот результат — в одной норме одно, в другой другое.

⁷ См.: Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».

Значит, речь не о новых объектах права, а всё о тех же известных обязательственных правах. Причем это определение в ст. 141.1 ГК воспроизводит определение бездокументарных ценных бумаг из абз. 2 п. 1 ст. 142 ГК. Бездокументарными цennыми бумагами являются электронные документы, удостоверяющие обязательственные и иные права. Найдите десять отличий. Вспомните, как у нас появился институт бездокументарных ценных бумаг, — это калька с английского языка, переписанный американский закон, но в англо-американском праве нет понятия ценной бумаги. В Единообразном торговом кодексе США есть понятие *uncertificated securities*, которое наши экономисты и перевели как «бездокументарные ценные бумаги». Но это же не бумага как документ, а компьютерная запись. Если реализовать право из ценной бумаги без предъявления подлинника документа нельзя, то к записи в компьютере нельзя применять нормы о ценных бумагах. Запись — это особый объект, с особым правовым режимом. Если вдруг у меня списали мои акции из реестра, как мне восстановить свое право? Ну не виндикацией же! Как вы запись в компьютере виндицируете? Благодаря некоторым бывшим судьям ВАС РФ у нас теперь есть новый способ защиты корпоративных прав — восстановление корпоративного контроля. И если цифровые права — это обязательственные и иные права, но только в электронной форме, то они давно уже известны. Нет особого правового режима цифровых прав.

Взять тот же искусственный интеллект. Юрист должен задуматься о том, кто будет отвечать за результаты его решений. Например, кто будет отвечать за вред, причиненный автомобилем, или за сохранность перевозимого груза, если транспортом управляет искусственный интеллект? Как он будет отвечать — от себя что-нибудь открутит и отдаст? Нет. Значит, отвечать будет владелец. Искусственный интеллект с точки зрения гражданского права — это типичный источник повышенной опасности, владелец которого отвечает за причиненный вред независимо от вины. Что тут нового?

Еще один вопрос, который сейчас часто обсуждают: кто является субъектом авторского права на картину, которую создал искусственный интеллект? Но для того, чтобы искусственный интеллект вам что-то нарисовал, он использует чужие картины, у которых есть авторы. Если вы не договаривались с художни-

ком об использовании его произведения, значит, вы начали действовать с совершения правонарушения. В таком случае и при таком начале никого права на результат у вас быть не может.

Но, допустим, авторское право все же признали за ИИ. В чем смысл авторского права с позиции гражданского права? В закреплении монополии на результат творчества, вследствие чего пользоваться таким результатом можно только с разрешения автора и за это ему нужно заплатить. Зачем искусственно интеллекту деньги и монополия? Смотреть на вопросы нам надо так, как смотрят юристы, а не экономисты или программисты. Ключевое слово здесь не «интеллект», а «искусственный».

Возьмем криптовалюту. Это не деньги, потому что деньги обладают разными экономическими свойствами (средство платежа, средство накопления богатств и т.д.), но с юридической точки зрения у них только одно свойство — законного платежного средства (ст. 140 ГК). Законное средство платежа — рубль. Это же сказано в Законе о Центральном банке⁸: банкноты (банковские билеты) и монета Банка России являются единственным законным средством наличного платежа на территории Российской Федерации. Безналичные денежные средства — это не деньги, это права требования. У них совсем другой правовой режим, чем у наличных денег. Соответственно, криптовалюта, биткойны и т.п. не являются законным платежным средством. Рассчитываться мы с вами можем чем угодно: рукопожатиями, фантиками и т.д. — это следует из принципа свободы договора. Криптовалюта — это, как Л.А. Новосёлова сказала, договорные деньги. Расчеты криптовалютой сами по себе не противозаконны, но они создают лишь натуральные обязательства, опять же известные со времен римского права, т.е. не подлежат судебной защите, и полученное по ним не является неосновательным обогащением. Таким образом, никакого особого режима и особого объекта прав применительно к цифре пока нет.

Зато есть целые кафедры цифрового права, учебники. Зачем юристу знать IT? Хорошо, пусть это вспомогательные объекты, но пока я не вижу никакого нового правового режима, который бы для них требовался.

⁸ Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)».

Не вижу тут ничего, что принципиально не укладывалось бы в известные гражданско-правовые конструкции. Но если что-то новое появится и не уложится в традиционные правовые конструкции — а я это готов допустить, — значит, будет еще один, новый правовой режим, наряду с режимом вещных, обязательственных, корпоративных и интеллектуальных прав, которые никуда не денутся.

— Конституционный Суд в последние годы несколько раз признавал неконституционными положения ГК, которые имели многолетнюю практику применения. С чем может быть связан подобный пересмотр содержания норм Кодекса?

— Почти все эти решения КС дополняют и разъясняют какие-то частные вопросы, не затронув пока ни одной общей конструкции или института. Более того, как правило, речь в них идет о неконституционности норм ГК «в том истолковании, которое им придает судебная практика», т.е. о неправильном понимании правил закона некоторыми судьями, за что законодатель не может нести моральной или иной ответственности, ибо правоприменение предполагает некоторый уровень специальной подготовки.

Есть случаи, когда признание неконституционными отдельных норм ГК исправляет неудачные законодательные решения, включенные в Кодекс против воли его создателей, и восстанавливает первоначальный смысл разработанных ими правовых конструкций. Взять, например, Постановление от 12 мая 2020 года № 23-П. Вопрос касался ответственности бюджетных учреждений (ст. 123.22 ГК). С советских времен нам достались странные юридические лица — несобственники своего имущества, что с точки зрения классического гражданского права абсурд. По логике вещей за них собственник должен отвечать. Мы так и записали в первой реакции ГК в общей норме об учреждениях. В 2006 году был принят Закон об автономных учреждениях⁹, преследовавший чисто фискальные цели — снять или уменьшить ответственность учредителя-собственника по долгам своих учреждений. Пришлось вносить изменения и в ГК. Теперь у нас есть казенные учреждения, по долгам которых государство отвечает полностью, и автономные. Вот МГУ — бюд-

⁹ Федеральный закон от 03.11.2006 № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях».

жетное учреждение, по долгам которого государство не отвечает, ибо такое учреждение отвечает по своим обязательствам только денежными средствами или, заметьте, малоценным имуществом. Значит, если денег на счету нет, чем мы ответим перед кредиторами? Столами и стульями, больше нечем.

— **Интересно.**

— Государство говорит: вы зарабатываете деньги и ими отвечайте. Лет 15 назад у нас был пожар в общежитии иностранных студентов, погибло человек 30. Родители предъявили к МГУ иск примерно на 100 миллионов долларов за моральный и иной вред. У Университета не было таких денег, но, учитывая остроту ситуации, бюджет заплатил. И тогда появились правила абз. 2 п. 5 и абз. 2 п. 6 ст. 123.22 ГК о том, что в случае причинения вреда гражданам при недостаточности имущества бюджетного учреждения собственник несет субсидиарную ответственность. Позднее возникло дело в Конституционном Суде. Банкротили муниципальное учреждение — теплоснабжающее предприятие, собственник которого (муниципалитет) ответственности по его долгам не несет. КС признал п. 5 ст. 123.22 ГК неконституционным. Но в результате добавили лишь еще один случай, когда собственник бюджетного учреждения будет нести субсидиарную ответственность, — неисполнение учреждением публичного договора. Остальное не изменилось, в том числе сохранилась ответственность только малоценным имуществом, а это не соответствует гражданско-правовому принципу юридического равенства и противоречит первоначальным формулировкам норм ГК о статусе учреждений-несобственников. Так что о неконституционности первоначальных норм ГК говорить не приходится.

— **Прокомментируйте, пожалуйста, Постановление Конституционного Суда от 31 октября 2024 года № 49-П о признании неконституционными положений ГК по исковой давности применительно к коррупционным делам.**

— В его резолютивной части КС опять пишет: признать неконституционными нормы ГК об исковой давности в том истолковании, которое им дает судебная практика. То есть какой-то судья неверно применяет закон, но исправить судебную практику КС не может. Ведь изначально задача Конституционного Суда была другая — решать споры конститу-

ционно-правового характера, возникающие прежде всего между разными уровнями власти. Потом адвокатам удалось превратить Конституционный Суд в дополнительную апелляционную или надзорную судебную инстанцию. В итоге в КС разбираются гражданско-правовые споры.

По сути, КС написал, что все нормы об исковой давности не соответствуют Конституции, только не сами по себе, а в той мере, в какой судебное толкование не позволяет их рассматривать как распространяющиеся на требования прокуратуры в коррупционных делах. При чем тут гражданское право? Скупка краденого — это что, купля-продажа? Торговля наркотиками — это договор купли-продажи? Может, еще законодательство о защите прав потребителей к ним применять? Гражданское право не регулирует последствия административных правонарушений и уголовных преступлений. При этом КС усмотрел несовершенство законодательного регулирования в отсутствии прямого указания на неприменение исковой давности к таким отношениям, но ведь в п. 3 ст. 2 ГК прямо написано, что к имущественным отношениям, не основанным на равенстве сторон, нормы гражданского права применяются только в случаях, прямо предусмотренных законом (такие случаи имеются, например, в Налоговом кодексе). Но принудительное изъятие имущества за нарушение требований уголовного или административного закона (конфискация) — это не отношения юридически равных сторон (гражданско-правовые).

По-хорошему, достаточно было признать неконституционной судебную практику, которая пытается притянуть ГК к вопросу об ответственности за коррупцию. Но поскольку у КС такого правомочия нет, он уже многие годы использует формулу «признать неконституционной такую-то норму ГК в той интерпретации, которую ей дает судебная практика». Я могу только сказать, что наша современная судебная практика несовершенна и противоречива. Да она и не источник права у нас, как бы этого кому-то ни хотелось, и не критерий истины. Надо наводить порядок в судебной практике, а не править Кодекс без нужды.

— **Насколько гармонично сейчас сочетаются в ГК публично-правовой и частноправовой подходы?**

— Нет ни одного закона только частного права, все гражданские законы комплексные. Открываем Граж-

данский кодекс: все нормы ст. 3 — нормы публичного права. Нормы о регистрации юридических лиц, о регистрации прав на недвижимость, о регистрации объектов патентного права — административно-правовые. Согласно п. 2 ст. 3 ГК нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать Кодексу, но такого соответствия пока нет. У нас до сих пор есть противоречия между Кодексом и Законом об акционерных обществах¹⁰. Конечно, ГК — это не конституционный, а формально обычный закон. Но если будет много противоречий между законами, то это очень плохо и первыми возмутятся судьи. Поэтому, если мы хотим иметь нормальную систему законодательства, следует ориентироваться на Кодекс.

— Чем Вы еще увлекаетесь, помимо исследований в области гражданского права?

— В связи с подготовкой к 270-летию МГУ в 2025 году я увлекся историей юридической науки в России, юридического факультета МГУ и связанных с ним людей. Расскажу Вам некоторые сюжеты. В начале XX века было модно учиться на юридическом факультете. Например, известный поэт В.Ф. Ходасевич трижды поступал на юридический факультет Императорского Московского университета. Его три раза отчисляли — как пишут биографы, за неуплату денег, — но на самом деле он никак не мог сдать экзамен профессору В.М. Хвостову.

— Не мог сдать римское право, правильно?

— Систему римского права. В Университете тогда римское право читалось три курса. В те времена не было ни криминалистики, ни прокурорского надзора, но была история, догма и система римского права. Система римского права — это не римское право, это гражданское право на базе римского.

Учебник Хвостова, на мой взгляд, самый хороший учебник по гражданскому и римскому праву. У меня он уже многие годы служит настольной книгой. Так вот, Хвостов, по воспоминаниям, был очень требовательным преподавателем, ставил двойки, как сейчас бы сказали, пачками, и многим студентам, которые

¹⁰ Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах».

к нему попали, не повезло — как и Ходасевичу. Но и чутье на таланты у Хвостова было прекрасное. Среди студентов он выловил И.Б. Новицкого, предложив ему на третьем курсе учёбы заниматься римским правом.

Можно еще вспомнить знаменитого драматурга А.Н. Островского, который тоже учился на юридическом факультете и был отчислен с третьего курса «за непонятие науки». Зато потом единственный сын Островского поступил к нам на факультет и закончил его с золотой медалью, чем Островский до конца жизни гордился.

— Интересно, какая была судьба у сына?

— Вот этого не знаю¹¹. Знаю про судьбу В. Шершеневича, сына известного юриста Г.Ф. Шершеневича. Он был другом С.А. Есенина и одним из основателей имажинизма, любителем ресторанов и дам. Как-то раз Вадим пришел в ресторан-варьете, который располагался в здании Театра имени Пушкина на Страстном бульваре, выпил лишнего, приставал к дамам, за что получил пощечину от О.Э. Мандельштама. Ответил на это ударом и был вызван на дуэль. Секундантом со стороны Шершеневича должен был быть Есенин. Но Мандельштама по каким-то делам срочно вызвали в Питер, и дуэль не состоялась. Отец же его, Г.Ф. Шершеневич, после того как отсидел в Таганской тюрьме за то, что, будучи депутатом Государственной Думы первого созыва, подписал Выборгское воззвание¹², преподавал на юридическом факультете Московского университета торговое право. Так вот, по воспоминаниям Вадима, когда он учился в знаменитой Поливановской гимназии в выпускном классе, им задали на зимние каникулы написать сочинение на тему «Экономическое положение России». Вадим заболел ангиной, не мог писать и обратился за помощью к отцу, по учебникам торгово-

¹¹ По имеющимся сведениям, скончался в 1888 году от дифтерита.

¹² Выборгское воззвание — принятое в литературе название обращения от 9 (22) июля 1906 года «Народу от народных представителей», составленного в городе Выборге и подписанное значительной группой депутатов Государственной Думы I созыва через 2 дня после ее роспуска указом императора Николая II. Воззвание призывало к пассивному сопротивлению властям (гражданскому неповиновению) — не платить налоги, не отдавать сыновей на военную службу и т.д. См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Выборгское_воззвание (дата обращения: 27.12.2024).

го права которого училась вся Россия. Каникулы кончились, Вадим выздоровел, пошел в гимназию, сдал это сочинение и получил за него тройку с припиской «За слабое знание предмета».

После войны объединили большой Московский юридический институт (МЮИ) с воссозданным юридическим факультетом МГУ. Пришло военное поколение ученых: В.П. Грибанов, С.М. Корнеев. При этом Грибанов учился в МЮИ, а Корнеев учился и потом преподавал в МГУ, из-за этого между ними были шутливые стычки: «Ты факультетский» — «А ты университетский», потом про это забыли.

И.С. Перетерский тоже пришел в МГУ из МЮИ, а И.Б. Новицкий все время работал на факультете МГУ. Перетерский был советником В.М. Молотова, наркома, имел ранг чрезвычайного и полномочного посланника, был лучшим переводчиком Дигест Юстиниана и французского *Code civil*. К сожалению, в 1956 году он умер.

А.Г. Гойхбарг, главный создатель первого российского Гражданского кодекса 1922 года, был сокурсником Перетерского. После войны он был отправлен на принудительное лечение в Казанскую психиатрическую лечебницу. Надо сказать, характер у него был тяжелый — говоря современным языком, любил он выпендриваться. Его признали психически нездоровыем и поместили на лечение. И вот Перетерский каждый месяц посыпал ему 100 рублей, что по тем временам было смело, потому что Перетерский был близок к наркому Молотову, а помогал опальному человеку. Вообще, Иван Сергеевич был фигурант. А.М. Белякова, его преемница, вспоминала, что он тоже очень жестко принимал экзамены и не любил ставить пятерки. Сама Анна Михайловна была записной отличницей, всё знала. Как-то она сдавала ему экзамен, ответила на все, даже на дополнительные, вопросы, и тогда он спросил, как называется цветок, который стоит на подоконнике. А она и это знала. Пришлось ей пятерку поставить.

— Отличный сюжет.

— Вот такая мощнейшая была профессура. В январе намечается и 270 лет юридическому факультету МГУ. Хотя в Петербурге себе 300 лет насчитали, но тут даже не о чем спорить. Еще Ключевский и Соловьев

в XIX веке писали, что не было в Петербурге никакого университета — средняя школа там была, и то непонятная. Г.Ф. Шершеневич, будучи профессором Казанского университета, в книге о науке гражданского права в России написал, что своим становлением и развитием отечественная правовая наука целиком обязана университетской науке, прямо указав при этом на Московский университет.

Предшественники у нас были очень хорошие. И хочется передать это наследие студентам. Настоящие научные школы здесь, в МГУ. Мы сейчас благодаря Издательскому дому В. Ема уже много лет переиздаем классику российской цивилистики, поэтому имеем возможность спрашивать и на кандидатском минимуме, и на экзаменах, и на аспирантских защитеах: читал ли ты Покровского? И большинство уже читали.

— **Уже читали? Это очень здорово.**

— Да. Так что у нас хорошая научная школа. Есть на кого опереться, в отличие от некоторых современных вузов.

— **Каких, например?**

— Да я уж не хочу их называть. В 1990-е годы я с ними намучился, когда мне пришлось возглавлять учебно-методическое объединение (УМО) по правоведению. В Министерстве образования в то время не было ни одного юриста, и лицензирование новых вузов, частных и государственных, свалили на это самое УМО. Тогда мне пришлось подписывать все эти бумаги. И что вышло? Сейчас юридические факультеты есть во всех технических университетах, включая Бауманский¹³, во всех педагогических университетах, в пяти медицинских вузах. Зачем? Помню, меня занимала ректор Рязанского медицинского института — звонила, требовала подписать разрешение. Я ей пытался объяснить, что незачем в медицинском институте создавать юридический факультет. На что она мне ответила: у вас неправильная информация, мы уже не медицинский институт, мы медико-гуманитарный университет.

---

¹³ Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (МГТУ).

Думаю, это издевательство над университетским образованием. В МГУ мы стараемся сохранить школу, и молодые ребята, и преподаватели, и студенты, и аспиранты с удовольствием это все воспринимают.

— А Вам какой предмет хуже всего давался?

— Даже не знаю, я хорошо в общем учился. Некоторые предметы, правда, казались лишними. Например, криминалистики нет ни в одном уважаемом университете, ни в Гарварде, ни в Кембридже. Это предмет не университетского уровня.

— Да, это другое. Прикладное совершенно знание.

— Полицейский из Гарварда. Или прокурорский надзор где-нибудь преподается? Я бы эти предметы убрал, а римское право расширил. Но римское право требует знания латыни. Латынь же мы искоренили. Раньше студенты приходили в университеты из гимназии и знали латынь, греческий и как минимум немецкий и французский, а то еще и английский языки. Это считалось нормальным. В университете не было никаких кафедр иностранного языка — знание иностранных языков было само собой разумеющимся. Наша задача в университете в том, чтобы студенты занимались гражданским правом, и не потому, что они обязательно будут работать в сфере гражданского права, а потому, что базу, фундамент юридического образования составляет именно оно. Потом пусть будет следователем и кем угодно. Учиться снимать

слепки со следов — это не дело юристов, при всем моем уважении к этим детективам, не университетское это дело.

Дискуссия о том, как учить студентов, шла еще 120 лет назад. Тогда звучали предложения отказаться от немецкой системы лекций, на которых студенты спят, и перейти в большей степени на семинарские занятия, чтобы готовить практико-ориентированных юристов. И замечательный, хоть и питерский, юрист Л.И. Петражицкий против этого активно возражал. У него и у И.А. Покровского были работы о преподавании гражданского права, где они доказывали, что в любой науке, хоть в анатомии, хоть в химии, учить надо определенному способу научного мышления. Соответственно, юриста надо учить юридическому мышлению. Это, а не изучение текстов законов (которое сейчас в цифровой век вообще не нужно) и есть наша задача в университете. Надо понимать смысл права. Еще в конце XIX — начале XX века было сказано, что учить надо не законоведению, а правоведению. А основой права, об этом и Покровский, и Петражицкий писали, должна быть общая теория гражданского права, безотносительная к конкретному национальному правопорядку. В отсутствие таковой эту роль выполняет римское частное право. Вот почему его в Московском университете преподавали в составе трех самостоятельных курсов. Это — основа подготовки всякого серьезного юриста. Понимаете теперь, почему до революции почти все выдающиеся цивилисты были романистами?